

Новые контакты с Православной церковью (1922-1923)

“Из священников очень многие покорились вере”

Деян. 6:7

В 1922 году произошли большие перемены в руководстве русской Православной церкви. Глава церкви Патриарх Тихон был снят с должности в результате кампании, начатой русским правительством. Испытывая огромные трудности из-за голода и нуждаясь в деньгах, чтобы накормить голодающее население России, Советское правительство издало декрет о том, что все серебро и золото, все драгоценные камни, находящиеся в церквях, храмах и монастырях и переданные им изначально в виде даров от народа, подлежат передаче в государственную казну, чтобы накормить голодающих людей.

В тот период существовала прогрессивная группа священнослужителей, называвшая себя “обновленцами” и находившаяся в оппозиции к Патриарху. Правительство использовало их, поощряя действия неповиновения. Они пришли к Патриарху и потребовали, чтобы он передал им административную власть, что он и сделал — оставив за собой титул Патриарха. Эта группа священнослужителей образовала так называемый “Высший церковный совет русской Православной церкви” и стала управлять церковью в приемлемом для правительства духе.

Среди духовенства и верующих вскоре образовались еще три группы Православной церкви:

1. “Живая церковь”, во главе которой стоял протоиерей Красницкий.

2. “Раннеапостольская церковь” во главе с протоиереем Введенским.

3. “Церковь возрождения” под началом митрополита Антония.

Эти группы мало отличались друг от друга и от прежней русской Православной церкви по своему учению. Они боялись даже упоминать слово “реформа”. Их цель была неизвестна даже им самим. Я счел, что наступило удобное время обратиться к лидерам этих прогрессивных направлений внутри русской Православной церкви с живым словом. Поэтому я написал специальное воззвание, озаглавленное: “Евангельский призыв”. В этом воззвании я развил три главные мысли:

Мое воззвание к лидерам русской Православной церкви

Прежде всего я заявил, что евангельские христиане прощают преследовавшую их Православную церковь за все нанесенные им обиды — во имя Того, Который простил нас.

Во-вторых, я отметил, что наступило время для православно-го духовенства начать национальную Евангельскую (Нового Завета) реформуацию. Я изложил принципы Нового Завета, на основе которых должна осуществляться реформуация.

В-третьих, я упомянул, что евангельские христиане намереваются провести в Москве и Ленинграде специальные молитвенные собрания, чтобы молиться о помощи Божией в проведении этой реформуации, и хотят пригласить представителей различных ветвей Православной церкви на эти собрания.

Это воззвание было отпечатано тиражом в 100 000 экземпляров и направлено во все уголки России духовенству и руководителям Православной церкви. Оно произвело большое впечатление. Мои друзья написали мне в Петроград, заявив, что в Москве царит большое оживление и многие священники желают со мной встретиться. Я тотчас же отправился в Москву.

Первый священник, которого я посетил, служил в старой церкви в самом центре Москвы. Когда я вошел в дом, он сердечно приветствовал меня и показал мне документ, в котором содержались основные принципы, изложенные в “Евангельском призыве”, и под которым стояло сто подписей. Священник сказал:

“Я создаю новую религиозную общину на принципах вашего “Евангельского призыва”, и уже сто друзей присоединилось ко мне.”

Затем он показал мне подписанный Патриархом Тихоном документ, в котором он объявлял о своем отречении. В заключение нашей беседы священник пригласил меня и двух пришедших вместе со мной братьев провести в тот же день службу в церкви. Службы в Православной церкви — прекрасное зрелище. Все переливается блеском золота, серебра и драгоценных камней. Когда мы вошли в церковь, священник приветствовал нас как братьев во Христе и отвел нам почетные места.

Оба брата, которые были со мной, выступили с небольшими обращениями. После этого я выступил с проповедью на тему: “Покайтесь и веруйте в Евангелие”.

Затем я объяснил суть покаяния, о котором говорил Христос, и покаяния, которое практиковала русская Православная церковь с участием священников, и в заключение сказал:

“Теперь наступили дни, когда все русские люди должны покаяться за столетия греха, а их духовные лидеры должны подать им пример“. Когда я закончил проповедь, священник сказал: “Давайте помолимся“. Он опустился на колени перед алтарем и стал молиться, говоря примерно следующее:

“Господи, прости меня, простого грешника и грешного наставника этих бессмертных душ, к которым я был так невнимателен“.

Посещение митрополита в Москве

После этого я посетил митрополита Антония в его келье в Новоспасском монастыре Москвы. Он показал мне имевшийся у него экземпляр “Евангельского призыва“, на котором мы увидели сделанные карандашом пометки. Он сказал: “Я согласен почти со всем, о чем говорится в вашем “Евангельском призыве“, но в настоящее время эту программу в Православной церкви осуществить невозможно“.

Затем он подошел к книжным полкам, взял одну из книг и сказал мне: “Вот книга, из которой я ежедневно беру капли воды живой“.

Взглянув на книгу, я понял, что это — “Гусли“, сборники гимнов, которые я сочинил и издал для наших евангельских конгрегаций. В завершение беседы я предложил провести совместную молитву, на что он ответил согласием.

Один из сопровождавших меня братьев плакал от радости. Несомненно, основания для слез были. На протяжении тысячелетия не случалось такого, чтобы митрополит русской Православной церкви молился вместе с представителями другого исповедания, и теперь вот он совершал моление с представителями народного евангельского движения.

Я пригласил митрополита Антония и других священников принять участие в нашем молитвенном Богослужении, которое намечалось на второе ноября в нашей московской конгрегации. В этот день состоялись два торжественных Богослужения евангельских христиан, одно — в Москве, другое — в одной из ленинградских церквей, где обычно проходили наши собрания.

Эти Богослужения произвели глубокое и сильное впечатление на общественное мнение обеих столиц, и по мере того, как весть об этом распространилась по всей огромной стране, многие православные священники и их паства получили духовный заряд, что способствовало также установлению более близких связей между православными и евангельскими верующими. С тех пор отношение к нам всех направлений Православной церкви

претерпело резкое изменение, и впервые священники поняли мотивы и планы этой “сектантской” группы.

Митрополит одобряет наши труды

В одном городе перед большой аудиторией состоялась анти-религиозная дискуссия, на которую был приглашен митрополит Антоний. Кто-то из присутствующих спросил его, какая, по его мнению, церковь или религиозная организация ближе всего стоит к учению Христа. Митрополит дал следующий ответ:

“Я знаю одну группу христиан; они называются евангельскими христианами. *Они восстанавливают раннее христианство Христа и апостолов*”.

С тех пор во многих местах священники приглашали наших евангельских проповедников выступать с проповедями в их церквях и даже предоставляли свои здания евангельским христианам для проведения собраний, так как последним редко удавалось быстро получить в собственное пользование моленные дома.

Митрополит Антоний скончался в 1926 году. Незадолго до своей смерти он велел своим священникам передать храм Петра и Павла, в котором он служил в Москве, местной церкви евангельских христиан. С тех пор в этом храме проходят евангельские Богослужения. В 1927 и 1928 годах я часто ездил из Ленинграда в Москву, чтобы выступить с проповедями там, где в течение многих лет митрополит Антоний проводил свои православные службы. Каждый раз на мои проповеди в этом храме стекалось множество верующих, и когда их призывали начать молиться, раздавался громогласный возглас, обращенный к Богу.

Новые группы, образовавшиеся в русской Православной церкви, стремились начать организационную деятельность, проводя конгрессы, конференции и специальные собрания. 15 марта 1923 года в Москве был созван “конгресс раннеапостольской церкви”. Я получил приглашение от организационного комитета, которое и принял. Они сообщали, что отвели мне час для выступления.

Проповедь в присутствии высших иерархов Православной церкви

Прибыв на утреннее заседание конференции, я узнал, что буду выступать первым. Председатель объявил, что первым выступает президент Всероссийского Союза Евангельских христиан И.С. Проханов. Когда я подошел к трибуне, председателст-

вующий епископ Введенский пожал мне руку, и я начал говорить. В президиуме находились епископы, архиепископы и профессора Богословских академий, а перед собой я увидел огромную аудиторию, состоявшую из монахов, священников, епископов, архиепископов и ведущих мирян русской Православной церкви.

В своем обращении я заверил их, что прибыл от имени всего движения евангельских христиан не для критики, а для того, чтобы помочь им преодолеть трудности, поделившись с ними нашим духовным опытом.

Завершая выступление, я сказал: "Если позволит председатель, я хотел бы пригласить всех присутствующих совершить молитву". Все монахи, священники, епископы и архиепископы встали, и я с рвением молился за Россию, русский народ, Православную церковь, обращаясь к Господу с просьбой ниспослать духовное возрождение. Я благодарил Бога за то, что евангельское движение уже начало возрождаться и просил у Него, чтобы оно привело русский народ к новой жизни.

Когда я закончил молитву, меня окружила большая группа священников и мирян. Они жали мне руку, а некоторые из них просили: "Дайте нам, пожалуйста, экземпляр вашей молитвы!" Эту просьбу можно было понять, ибо православные священники и миряне привыкли молиться словами официальных молитв, установленных многими веками ранее. Многие из них не знали даже, можно ли молиться собственными словами. Они спрашивали меня также о том, где мы проводим свои собрания, о нашей литературе и о многом другом. Было видно, что новые мысли и новая решимость наполняет их сердца.

После моего обращения и молитвы председательствующий объявил перерыв, потому что, выражаясь его словами, "мы должны прийти в себя после необычайно сильных чувств, которые только что испытали".

Во время перерыва я завел много новых знакомств. Один из профессоров академии сказал: "Какой это был прекрасный подход к решению вопроса". После возобновления работы конгресса священник Е. зачитал из Нового Завета вторую главу Деяний Святых Апостолов и разъяснил строение апостольской церкви в духе моей декларации.

Один недовольный голос из присутствующих

То, что присутствующие будут иметь разное мнение, можно было ожидать, и когда священник Е. закончил свое выступление, с задних рядов раздался голос:

“Что я вижу! Представителю сектантского движения позволили выступить на конгрессе Православной церкви. Что сказали бы святые отцы (святые Православной церкви), если были бы живы!”

Председательствующий Введенский быстро отреагировал: “Прошу встать, кто сказал слова, которые многие из нас только что слышали“. Но никто не признался, и председательствующий продолжал:

“И.С. Проханов прибыл к нам по приглашению и откровенно и смело высказал то, что у него на душе, а у нас здесь есть люди, не имеющие смелости прямо сказать то, что думают!”

Общественное и духовное влияние нашего Союза достигло в то время апогея, оказав духовное воздействие на эти новые усилия прогрессивной группы Православной церкви, а также на другое движение, зарождавшееся среди людей, не принадлежащих церкви, которое получило название “трезвенничество“.

Поскольку священники, епископы и архиепископы Православной церкви не обращали внимания на духовные нужды верующих, миряне сами стали строить новую жизнь по своему собственному усмотрению. Это движение зародилось в Санкт-Петербурге, и во главе него стоял Иван Чурников.

Один из последователей Чурникова Колосков основал такое же движение в Москве. Он также подвергся преследованиям со стороны православного духовенства.

Осенью 1922 года я был в Москве и принял участие в службе в православной церкви. Это произвело на брата Колоскова очень большое впечатление. Вскоре после этого он выразил желание присоединиться к московскому отделению нашей церкви. Его приняли, а затем он со своими последователями посетил ленинградское отделение нашей церкви и был принят в Союз.

Никогда не забуду, какими трудными были 1920-1922 годы. Весь русский народ страдал от невиданного голода. Продуктов либо вообще не было, либо было слишком мало и очень плохого качества. Брат Колосков и некоторые представители нашей церкви открыли столовые в различных районах Москвы, где им удавалось довольно прилично кормить людей. Это было хорошим свидетельством действительности евангельских христиан в глазах посторонних наблюдателей.